I. Дискуссия о тоталитаризме

Роджер Гриффин

Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе*

Традиционный взгляд на проблему консенсуса в условиях тоталитаризма: принудительное согласие

„Ведь когда какое-либо число людей создано с согласия каждого отдельного лица сообщества, то они тем самым сделали это сообщество единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению большинства... И вот почему мы видим, что в законодательных собраниях, облеченных властью силою положительных законов, в тех случаях, когда в положительном законе, который облек их властью, не указано число, действие большинства считается действием целого и, разумеется, определяет силу целого, которой по закону природы и разума оно обладает“[1]. Для тех, кто был воспитан в традиции западного Просвещения, постулаты Джона Локка, касающиеся тесных взаимоотношений между индивидуализмом, согласием, природой, разумом и – неявным образом – между ними и консенсусом, законностью и суверенитетом, представляются удобными аксиомами.

Триста лет спустя, абсолютно тот же самый комплекс вопросов тревожит здравый смысл и господствующее мировоззрение в рамках либеральной демократии.

---

* ПАЛИНГЕНЕЗИС, ПАЛИНГЕНЕЗ *м.* (от греч. pálin – снова, обратно и génesis – происхождение, рождение): преобразование или новое рождение. *В геологии:* преобразование, возрождение изверженных горных пород путем переплавления гранитов, гнейсов и сланцев в глубоких зонах земной коры. *В биологии:* появление у зародыша признаков, свойственных взрослым формам отдаленных предков. (http://www.rubricon.com/partner.asp?aid={529C90E9-8B97-44F1-B24D-204DCBC6EF07}&ext=6, http://p.uoportal.ru/show/66309/). *В истории идей:* воз-/новорождение, воскрешение, революция. Первая публикация статьи: The Palingenetic Political Community: Rethinking the Legitimation of Totalitarian Regimes in Inter-War Europe // Totalitarian Movements and Political Religions. 2000. Vol. 3. No. 3. P. 24-43. http://ah.brookes.ac.uk/history/staff/griffin/palingcomm.pdf.

Таким образом, современная методика разрешения потенциально опасного конфликта между экспертным и общественным мнениями посредством процедуры, известной как „нахождение консенсуса“, по-прежнему апеллирует по умолчанию к принципу индивидуального рационализма как основы процесса легитимации. Например, Лока-Институт (http://www.loka.org/) ставит своей целью „сделать науку и технику более ответственными в отношении социальных и экологических потребностей, расширяя возможности рядовых избирателей, лоббистских групп, обычных граждан и рабочих в процессе принятия решений по жизненно важным вопросам науки и техники“[2]. Естественно, для подобного учреждения совместная работа, гражданское общество, разумные дебаты, взаимопонимание, компромисс и поэтапность социальных преобразований вынесены на повестку дня.

В контексте доминирующих культурных ценностей европеизированного мира термин „тоталитаризм“ входит в понятийный набор, диаметрально противоположный „консенсусу“ и „законности“. Классическое определение этого термина, ставшего популярным в 1960-х годах, данное Фридрихом и Бжезинским, подчеркивало эту дихотомию, отождествляя тоталитарное общество с явлением, которое одна из политологических энциклопедий описывает как попытку навязывания „тоталистской“ идеологии путем установления „правительственной монополии в отношении экономических, культурных и информационных общественных структур“[3]. Однако, еще задолго до того, как теория тоталитаризма стала главной парадигмой в самый разгар Холодной войны, такие антиутопические романы как „О дивный новый мир“ и „1984“ уже сформировали в общественном сознании образ тоталитаризма, методично отрицающего искреннее, творческое мышление, а также понятия личности, сознания морали и внутренней свободы, которые по общему мнению лежат в основе этого мышления. В соответствии с этими предпосылками два поколения ученых, как марксистской, так и либеральной школы, полагали, что режимы Муссолини и Гитлера стремились к установлению тотальной культурной гегемонии – с целью сохранения капитализма или же удовлетворения чистой жажды власти – путем беспощадной эксплуатации государственной монополии на идеологическую власть. Считалось, что это происходило посредством применения таких методов, как контроль над произведениями культуры, „эстетизация политики“, намеренное создание „политической религии“, методичное упразднение культурного плюрализма, всепроникающая пропаганда и – в случае с нацистской Германией – государственный террор, направленный на упрочение общепринятой идеологии, единственной целью которой был обман масс и сохранение правящей элиты у власти[4]. Таким образом, тоталитарная политическая культура по определению является анти-культурой, гротескной пародией на свой оригинал.

При таком подходе к тоталитаризму концепции „консенсуса“, „легитимации“ и „сопротивления“ приобретают определенные коннотации. Две первые идеи ото-

ждествляются с не-аутентичностью и искусственностью. „Консенсус“ по существу оказывается „сфабрикованным“ серийным изделием[5], а „легитимация“ – искусной мистификацией, огромным самообманом[6], анестезирующей эстетизацией подлинного чувства, чья зловещая эвфемизация превращает демонов мрака в карикатурных ангелов-хранителей с помощью методичного использования механизма, который Джордж Оруэлл назвал „двоемыслием“. Поэтому сопротивление тоталитаризму – это неповиновение истины, героически прорывающейся сквозь зеркальные иллюзии с целью обретения внутренней свободы. Избегать силков массовой галлюцинации, расставленных новым порядком, оставаться абсолютно трезвым перед лицом опьяненного морфием коллективного разума, сопротивляться взгляду современных Горгон[7] – это значит защищать истинно человеческое от агрессивных сил тирании, что восходит к традиции неповиновения, которая простирается в истории человечества от презрения Прометея к железным законам и моральной победы Антигоны над Креоном до архетипа „Бунтующего человека“ Альбера Камю.

В этом вопросе марксисты и либералы определенно сходятся во мнениях, несмотря на то, что им свойственно считать друг друга олицетворением той или иной формы тоталитаризма, касается ли это „одномерности“ человека в условиях капитализма[8] или же душедробительной дегуманизации советского коллектива[9]. Некоторые утонченные либеральные теоретики даже имеют склонность к идеологическому описанию мира в терминах манихейского противостояния между подлинным консенсусом „открытого общества“[10] с его исторической прогрессивностью[11] и „закрытым“ обществом, противостоящим любым попыткам развития на пути к большей свободе и сознанию морали. Очевидно, что все идеологические сообщества, которые подвергались преследованиям со стороны тоталитаризма, соглашаются с данной дихотомией на основе своей собственной системы ценностей, поэтому после окончания страданий и кровопролития Второй Мировой войны победившие страны, естественно, считают участников сопротивления мучениками во имя послевоенного либерального, христианско-демократического или же коммунистического общества в зависимости от того, какой режим оказался победителем. Подобным образом Бонхеффер считается носителем того духа, проявления которого послевоенные протестанты ретроспективно жаждали увидеть во всех христианах в качестве ответа на преследования нацистов их веры. Точно так же, как культура в тоталитарном обществе означает всего лишь „антикультуру“, так же и согласие с доминирующей ортодоксией обычно считается результатом принуждения, ассоциируясь с признаниями под пытками современной инквизиции. Поэтому резкое замечание, сделанное Джорджем Оруэллом перед началом Второй Мировой войны, некоторые читатели по-прежнему считают заблуждением:

Обычно говорят, что целью фашизма является создание „ульеподобного государства“, совершающего несправедливость по отношению к пчелам. Мир кроли-

ков, управляемых горностаями, недалеко ушел от этой схемы. Именно против этого звериного будущего мы должны сейчас объединиться[12].

Новые методы разработки теории тоталитаризма

За последние годы было сделано несколько логически обоснованных и выверенных шагов по направлению к новому осмыслению тоталитаризма. В ретроспективе это осмысление представляется ревизионистской интерпретацией концепции, глубоко укорененной в западной политической социологии. Принимая во внимание попытку нацистов реализовать свои мечты о новой Германии, Карл Манхейм изучал взаимосвязи между идеологией и утопией, присущие различным политическим моделям, включая фашизм[13]; Эрнст Блох работал над грандиозным исследованием принципа утопии, как константы религиозной и политической космологии человечества[14]; а Эрик Фёгелин изучал тайные связи между современными политическими идеологиями и гностическими формами мистических теорий[15]. Карл Поппер, опубликовавший в 1945 году „Открытое общество“, хоть и пытался популяризовать подобно другим авторам стереотипное представление о тоталитаризме как о „закрытом обществе“, все же видел в коммунистических и фашистских режимах стремление к тому, что он назвал „утопической социальной инженерией“. Однако направление научной ортодоксальной мысли лишь в последние несколько лет начало претерпевать значительные изменения. В англоязычном мире предвестником этих перемен стала книга Саймона Торми „Понимание тирании“[16], увидевшая свет в 1995 году. Эта небольшая работа выделяется из всех исследований на данную тему, утверждая, что „прежде всего тоталитаризм происходит из радикализма, из недовольства настоящим, превращаясь в жажду нового“ (с. 168), и что его репрессивный государственный аппарат является внешним проявлением поиска „идеи, реализация которой состоит в полной трансформации самой природы человеческого бытия“ (с. 173).

Еще более важной была публикация в первом номере журнала „Тоталитарные движения и политические религии“ (2000) статьи Эмилио Джентиле под названием „Сакрализация политики: определения, интерпретации и размышления над проблемой секулярной религии и тоталитаризма“. В ней выдающийся итальянский исследователь фашизма определял тоталитаризм так:

Термин „тоталитаризм“ обозначает *попытку политического доминирования*, предпринятую *революционным движением*, обладающим *интегралистским пониманием* политики и стремящимся к *монополии на власть* . После достижения власти законным или незаконным путем это движение уничтожает или трансформирует предыдущий режим и создает новое государство, основанное на *однопар-*

тийном режиме, главной целью которого является *порабощение общества*. Таким образом, это движение стремится подчинить, объединить и гомогенизировать подвластное ему общество на основе *интегральной политизации жизни* – общественной и личной. Эта политизация истолковывается в пределах категорий, мифов и ценностей *палингенетической идеологии*, узаконенной в форме *политической религии*. Ее целью является видоизменение индивидуума и масс посредством *антропологической революции*, которая ведет к возрождению человеческого бытия и становлению нового человека, душой и телом преданного выполнению революционных и империалистических задач тоталитарной партии. Конечной целью является создание *новой цивилизации* в соответствии с ультранационалистической программой.

Как ясно дает понять Джентиле в своей книге „*Le religioni della politica*“ (*um*. Политические религии), которая вышла вслед за блистательной вышеупомянутой статьей, из данного определения следует важный и глубокий вывод: палингенетическая логика тоталитарных обществ вынуждает их создавать сложную политическую религию не для того чтобы обманывать и манипулировать массами, но в целях создания нового человека. В этом они не одиноки, и Джентиле убедительно показал, что либеральные или гражданские общества также стремятся – неважно, насколько это совместимо с их собственными рационалистическими и индивидуалистическими представлениями о самих себе – к сакрализации политики в целях укрепления внутреннего чувства законности и поддержания общественного консенсуса. Из этого проистекает то, что Джентиле называет „гражданской религией“, которая является заметным элементом политической культуры США.

В результате этого анализа мы приходим к нескольким важным выводам. Во-первых, он „размывает“ традиционное веберовское различие между законно-рациональной и харизматической формами политики и – косвенно – упраздняет дихотомию открытых и закрытых, свободных и несвободных обществ. Во-вторых, анализ предполагает, что то, что в старой парадигме считалось манипулятивной пропагандой и циничной эстетизацией политики, в новой парадигме представляется отчасти продуманным, отчасти спонтанным созданием „политической религии“, призванной сотворить новое национальное или социальное сообщество, политическая культура которого проникнута и вдохновлена палингенетическими стратегиями, которые со своей стороны стремится реализовать государство. В-третьих, данный анализ побуждает историков и социологов к пересмотру традиционных подходов к решению проблем консенсуса, законности и сопротивления с той точки зрения, что, возможно, на некоторых этапах развития тоталитарного общества возникает подлинный симбиоз официального палингенетического мировоззрения и народных стремлений к участию в историческом процессе обновления и возрождения. В этой статье мы предлагаем рассмотреть несколько ключевых этапов развития тоталитарных режимов, характеризующихся подобным

симбиозом благодаря возникновению „палингенетического политического сообщества“, которое предоставляло обширную, но крайне неустойчивую основу для достижения несколько другого типа консенсуса, отличающегося от традиционного консенсуса эпохи Просвещения тем, что обладает крайне харизматическим и, следовательно, сверх-индивидуалистическим и иррациональным содержанием.

Психо-социальные движущие силы „харизматического консенсуса“ и „палингенетического сообщества“

Теоретически некоторые социологи прошлого могли бы поддержать концепцию харизматического консенсуса. В атмосфере неистового анти-позитивистского бунта конца XIX века исследования Дюркгейма в области природы религии и поиска выхода из ситуации *аномии*, возникновением которой мир был обязан исчезновению ремесленнической солидарности, привели его к мысли о существовании „кипящих социальных сред“, которые могут породить новые религии[17]. Умозрительные построения Лебона в отношении психологии масс, ревизионистские концепции Сореля о мифе, как движущей силе общества[18], идеи Юнга о „психических эпидемиях“[19] также представляются нам крайне значимыми. Немало и более современных теоретиков занималось подобными вопросами: Мирча Элиаде анализировал древнее, но по-прежнему существующее тяготение человека к участию в сакральной религиозной истории[20]; Мона Узоф[21] и Линн Хант[22] изучали роль праздничного, литургического поведения людей во время Великой французской революции; Бурдье выдвигал теории о сверхличной „сфере культурного производства“[23]. Все эти исследования могут служить отправной точкой для формирования концептуального представления об идеологической общности, существующей на основе иррационального консенсуса.

Возможно, именно малоизвестная статья Г. Платта[24] дает нам наиболее эффективную концептуальную основу для переосмысления идеи консенсуса в условиях тоталитарных режимов, в особенности на ключевой стадии, когда тоталитарное движение, влекомое палингенетическим видением радикально нового порядка, приходит к власти и превращается в режим. В своей статье Платт исследует проблемы возможного спонтанного формирования сообщества веры в условиях общего смыслового кризиса путем проецирования народных чаяний на какое-либо движение, которое ставит текущему кризису всеобъемлющий диагноз и в качестве панацеи от всех бед предлагает совершение революции. В результате возникает сообщество (в нашей терминологии – „палингенетическое политическое сообщество“), характеризующееся мощными коллективными иллюзиями сверхличностного единства цели. При объективном рассмотрении становится очевид-

но, что единство цели устраняет социальные и идеологические антагонизмы сообщества.

История дает нам два хорошо задокументированных конкретных примера того процесса, который приводит к возникновению из низов палингенетического политического сообщества, способного к кооперации с новым порядком, официально провозглашенным верхами. Оба этих примера связаны с Великой французской революцией. Не имеет значения, насколько революция представляла собой плод разума или же установление прав человека для каждого: существует достаточно много свидетельств того, что французы разделяли взгляды идеологов революции, вследствие чего возникали спонтанные формы харизматической политики. В период между падением Бастилии и установлением режима террора Франция была охвачена „психическими эпидемиями“ и проявлениями ритуальной и театральной политики, соотносившимися с попытками нового режима создать нового человека (Гражданина) и положить начало новой эры[25]. Временной промежуток, который последовал за казнью Робеспьера и Сен-Жюста, был периодом серьезной дезориентации и аномии, сопровождаемых социально-экономическим хаосом и глубоким ощущением угрозы со стороны контрреволюционных сил внутри Франции, а в особенности со стороны сил ancien régime (*фр*. старый режим) за пределами страны, угрожавших военным вторжением. Именно в этой ситуации поднялась новая волна харизматических националистических сил, проекция которых породила Наполеона Бонапарта. Здесь мы снова видим, как риторика и социальная инженерия наполеоновского режима переплетались с подлинным консенсусом плебисцита, причем до такой степени, что невозможно различить, где этот подлинный консенсус начинается, а где манипулирование, пропаганда и социальная инженерия заканчиваются. Тем не менее, устойчивые мифические коннотации Великой французской революции как главного события в длительном процессе освобождения Европы от тирании дают нам понять, что не существует достаточного объема научных исследований, посвященных сложным взаимоотношениям между народным консенсусом и социальной инженерией той эпохи как предшественников движущих сил идеологии тоталитаризма XX века.

Переосмысление межвоенного тоталитаризма

В свете этих размышлений становится возможным расширить традиционное понимание концепции консенсуса. Сейчас разрыв между истинным демократическим консенсусом и тоталитарным псевдо-консенсусом ликвидирован, а тоталитарные режимы более не рассматриваются в качестве фабрик по производству консенсуса, единственно направленного на мистифицирование крайне реакцион-

ной, циничной и эксплуататорской политики. Напротив, в эвристических целях следует предположить, что те режимы, которые пришли к власти в условиях системного и, следовательно, общего кризиса смысла, преследовали подлинно революционные цели, включающие в себя радикальную трансформацию политической культуры нации (даже если она и воспринималась, как первый шаг на пути к глобальной революции, как в случае с марксизмом-ленинизмом). В этих целях они действительно прибегали к социальной инженерии, которая использовалась не только для реализации утопического видения нового порядка, но и для того, чтобы найти отклик среди широких слоев населения, которое обнаруживало спонтанную восприимчивость к палингенетической риторике.

Результатом было установление всенародного консенсуса в отношении нового режима, что являлось не следствием пропаганды или же манипулирования инертным населением, но следствием искреннего понимания аспектов обещанного режимом нового порядка со стороны социологически и идеологически неоднородного электората в целом. Признаком симбиоза между официальным революционным видением нового тоталитарного режима и политической культуры в общем было воодушевление относительно преобразований в обществе, характерное для некоторых кругов интеллектуальной элиты и художественного авангарда, которые могли также играть решающую роль прежде всего при подготовке почвы для совершения революции. Тридцать лет назад один из исследователей тоталитаризма (Дж.-Люсьен Радел) выдвинул идею различения двух типов тоталитаризма. Хотя в концептуальном плане данная идея представляется чрезвычайно туманной, в современном контексте она требует нового прочтения. Радел считал, что фашизм и нацизм основываются на „*харизматической идеологии*, имеющей соответствующего лидера, способного вызвать у народа сильнейшие эмоции“, в отличие от „обычных диктатур“, которые „не способны *воодушевить массы* на поддержку лидера и не отождествляются с *программной идеологией*“[26]. Будучи типичным представителем западной социологии своей эпохи, Радел не смог распознать взаимосвязь между программной идеологией, ее палингенетической мифической сутью с одной стороны, а также тем фактом, что ее привлекательность среди широких слоев населения и странное „соответствие“ лидера зависят от расплывчатого „кризиса смысла“, для выхода из которого режим предлагает свою панацею, с другой.

В истории тоталитаризма XX века есть несколько периодов, которые можно использовать для проверки и дальнейшей разработки данной модели. В революционной России до момента коллапса Советской Империи и даже во время правления Сталина наблюдалась сложная и неустойчивая взаимосвязь между *принудительным консенсусом*, созданным с помощью циничного и исключительно инструментального использования институционных изменений, массовых организаций, пропаганды и террора, и *палингенетическим консенсусом*, возникшим в результате спонтанного воодушевления некоторых слоев населения, включая и

пролетариат, и буржуазию, относительно социалистической утопии[27]. Наиболее четко это показано в исследовании утопизма в ленинской России, которое провел Ричард Стайтс в книге „Революционные мечтатели“[28].

Еще один хороший пример данного явления – Италия Муссолини. В работе „*Mussolini: Gli anni di consenso*“ (*um*. Муссолини: годы консенсуса) Ренцо де Феличе сделал основной упор на том, чтобы убедить современных итальянцев, что Муссолини пользовался широкой поддержкой со стороны населения между 1929 и 1936 годами, особенно среди буржуазии. Однако ни он, ни его критики[29] не рассмотрели возможность того, что до тех пор, пока конкретные события и достижения итальянского правительства во внутренней и внешней политике служили доказательством реализации надежд фашистов на создание нового, современного, гармоничного, эффективного и сильного государства, пользующегося любовью и уважением за рубежом, в Италии существовало спонтанное избирательное сродство режима со значительным процентом населения, вследствие которого возник поверхностный и непостоянный, но, тем не менее, искренний палингенетический консенсус в отношении новой Италии. Этот консенсус уходил корнями во всеобщее недовольство коррупцией и бездарностью власти Джолитти, отчаяние, вызванное ее „отсталостью“, разочарование неадекватными результатами победы в Первой мировой войне и страх социализма. Консенсус в обществе усилился после мирового кризиса 1929 года, к которому нация продемонстрировала очевидный иммунитет, убедительно показавший, что либерально-демократический мир неумолимо движется к упадку, и ставший еще одним свидетельством того, что в Италии идет процесс стремительной технологической модернизации и культурного возрождения. Захват Эфиопии стал, вероятно, пиком в развитии тесного союза – скорее добровольного, чем „организованного“ – государства и итальянского народа, которые, не будучи фашистизированным, был вне всяких сомнений (в терминах Моссе)[30] „национализирован“ до такой степени, которая представлялась невозможной в 1914 году.

Еще до фашистского „завоевания государства“ *squadrismo* (*прим. перев.* феномен боевых фашистских организаций) стала подлинно тоталитарным движением, которое пыталось увековечить возникшую во время боев Первой мировой войны палингенетическую энергию в рамках новой, основанной на принципах „окопократии“ Италии и которое было превращено в политическую силу благодаря *Fasci di combattimento* (*um.* Союз борьбы) Муссолини, чье представление о возрождении и обновлении было сформировано примечательным альянсом художественных и культурных авангардистов с одной стороны и революционных синдикалистов и национал-социалистов с другой. Таким образом, фашистский тоталитаризм был сложным сочетанием фальсификации и спонтанности, искусным изобретением государственной политической религии, переплетавшейся с самообразующимся народным культом новой Италии и ее дуче, пыл которого то

угасал, то усиливался, чтобы затем угаснуть навсегда, когда возможность Второй мировой войны стала неотвратимой реальностью[31].

Еще один исторический эпизод, позволяющий проанализировать возникшее в политическом сообществе в условиях межвоенного тоталитаризма сочетание изобретательности и искренней убежденности, связан с Третьим Рейхом. Превращение НСДАП из маргинальной партии с 2,6% голосов в 1928 году в массовое движение, набравшее свыше 37,4% или же 13.745.800 голосов на июльских выборах 1932 года, не было обыкновенным актом массовой манипуляции. Это был сложный процесс, в результате которого нацистская партия – благодаря механизму пропаганды и искусной театральной политике – открыто идентифицировавшая себя с перспективами революционного нового порядка и всеобъемлющего палингенеза Германии, который символизировала свастика, в конечном итоге стала ядром подлинно народного харизматического сообщества. Своей удачей партия обязана не харизме Гитлера, но последствиям депрессии, которая выявила глубокий кризис смысла демократической системы, чья логичность и укорененность в народном сознании уже были ощутимо подорваны. Миллионы разрешили свой личный кризис смысла, отождествив свои надежды на новый порядок с личностью Гитлера. Как пророчески писал Герман Брох в опубликованном в 1932 году романе „*Die Schlafwandler*“ (*нем*. Лунатики), представлявшем собой аллегорическое описание духовного кризиса в Веймарской республике, всякий гражданин в преддверии *Machtergreifung* (*нем*. захват власти) испытывал:

вдвое более сильную тоску по Лидеру, который бы нежно и ласково взял бы его за руку и указал ему путь, и все бы встало на свои места... по Лидеру, который бы заново отстроил дом, чтобы мертвые могли вновь вернуться к жизни... Целителю, который бы своими действиями придал смысл непостижимым событиям Эпохи, чтобы Время могло начать новый бег[32].

Исследователи, придерживающиеся традиционного взгляда на историю, часто отдают себе отчет относительно роли спонтанного консенсуса и воодушевления масс, выступивших в качестве рычага для прихода партии к власти в 1933 году и ставших фундаментом тех революционных изменений в обществе, которые проводил режим в течение первых лет правления. Так Родерик Стэкелберг пишет, что „атмосфера национального возрождения, в условиях которой нацистская партия получила бразды правления, стимулировала работу Гитлера“[33]. Существует также несколько исследований на тему методов, с помощью которых нацизм функционировал в качестве „политической религии“[34] и генерировал мощную мифическую энергию общественной сплоченности, в особенности гитлеровский миф[35], который лежал в основе неустойчивой, но крайне активной народной поддержки нацистской партии вплоть до Сталинградской битвы. Однако до сих пор, насколько я знаю, не было ни одной серьезной научной попытки изучить движущие силы консенсуса, который, возникнув в результате сочетания или же комбинации манипуляционной идеологической обработки и спонтанного воодушевле-

ния, легитимировал политику Третьего Рейха. Суть этого феномена становится полностью ясна только сейчас, когда накопилось достаточно работ, посвященных исследованиям в области психо-истории, культурной антропологии и психологии масс[36].

Существует еще несколько показательных случаев проявления интересующего меня феномена, а именно:

1. Преобразование палингенетического консенсуса, которым пользовался Франко, вышедший победителем из Гражданской войны во время очевидного и неумолимого взлета нацизма, в крайне пассивную механическую поддержку консервативного режима, который в значительной степени утратил фашистские признаки после 1943 года[37];

2. Взрыв харизматической энергии, высвобожденной стареющим Петеном в результате формирования режима „Виши“ в 1940 году, и внезапное угасание массовой поддержки маршалла, стертой из людской памяти, когда удача отвернулась от стран Оси после 1943 года[38];

3. Периодический прилив палингенетической энергии, порожденной первым этапом установления коммунизма в Китае[39] и культурной революции в 1960-х годах[40], которая была отчасти изобретенной, отчасти искренней.

Существуют и другие пост-военные режимы, в которых присутствовало или присутствует сочетание аутентичного и манипулятивного консенсуса в контексте палингенетического политического сообщества, которые подлежат исследованию при условии, что существует достаточно материала доступного англоязычным ученым. К таким государственным системам можно отнести режимы Насера (Египет), Чаушеску (Румыния), Ким Ир Сена (Северная Корея), Пол Пота (Камбоджа), Каддафи (Ливия), Саддама Хуссейна (Ирак) и Аятоллы Хомейни (Иран). Такие сравнительные исследования скорее всего выявят значительное варьирование относительно той степени, в которой государственная фабрикация консенсуса в период революции или же становления находит поддержку со стороны народа. Например, мощнейшая народная воля, приведшая к власти Гитлера и Хомейни, заметно контрастирует с консенсусом в Северной Корее Ким Ир Сена, Камбодже Пол Пота и большинства латиноамериканских и африканских диктатур XX века, который по большей части был достигнут насильственным путем.

Выводы и пути дальнейшего исследования

Сейчас должно быть уже ясно, что данная статья посвящена своей собственной утопической цели, а именно – стимулировать развитие новой сферы изучения феномена иррациональной, сверхличностной легитимации как сочетания аутен-

тичного и ложного консенсуса, достигаемого тоталитарными движениями и режимами в стремлении реализовать палингенетеческий проект. С одной стороны данная инициатива обозначает отказ от рационалистических и индивидуалистических коннотаций, которые по-прежнему таятся в обоих терминах, используемых политологами, однако с другой стороны она подразумевает перспективу большей интеллектуальной открытости широкому кругу уже имеющихся научных исследований в таких областях как политическая религия, мифология и групповая динамика. Это обозначает расширение парадигм, которые однотипно применяют историки, пытаясь объяснить, что движет обществом, когда оно поддерживает или же не поддерживает тоталитарный режим. Такому парадигмальному расширению могут способствовать глубокие аналитические исследования в сфере социологии, культурной антропологии и психологии на основе интереснейшей работы, которую сейчас проводят такие ученые как Эмилио Джентиле, стремясь переосмыслить концепцию тоталитаризма и изменить то языковое поле, к которому данная концепция традиционно относится. Что касается моей палингенетической фантазии, то я лишь надеюсь, что эта теория внесет свою небольшую лепту в реконцептуализацию стандартных категорий, и, следовательно, приведет к радикальному пересмотру изученных взаимоотношений между либеральными и анти-либеральными политическими формами, возникшими во время регулярных вспышек „иррациональной“ политики, характеризовавшей последнее столетие.

Я бы хотел закончить данную статью, призванную внести свой скромный вклад в упомянутое изменение парадигмы, несколькими замечаниями, которые – подобно тому, как Ницше говорил об афоризме – должны послужить скорее отправной точкой для дальнейших исследований и размышлений, чем для их заключительного обзора.

1. В этой области науки стоит сдуть пыль с различии, которое проводил Иммануил Кант между постепенным и, следовательно, устойчивым „преобразованием“ и революционным и, отсюда, в сущности неустойчивым „палингенезом“[41]. Это подводит нас к мысли о том, что палингенетический момент, в течение которого значительное количество избирателей из самых разных слоев населения находится в сговоре с тоталитарным движением, обречен рано или поздно завершиться одновременно с утратой сформированного им временного консенсуса. Так как в силу своей природы тоталитаризм не может отказаться от власти демократическими средствами, он вынужден – вследствие своей внутренней логики – поддерживать консенсус с помощью драконовской социальной инженерии и интенсификации усилий, направленных на создание атмосферы фанатичной веры в мифический новый порядок, который лежит в основе любой политической религии. Как только воодушевление масс иссякает, тоталитаризм быстро вырождается в косметический фасад театральной „эстетической“ политики, скрывающей режим, построенный на насилии, жестокости и терроре, которые необходимы

для поддержания по существу фальшивого, манипулятивного консенсуса, как это было изображено в таких классических художественных произведениях как „О дивный новый мир“ Олдоса Хаксли, „1984“ Джорджа Оруэлла, „Зияющие высоты“ Александра Зиновьева и „Бразилия“ Терри Гиллиама.

2. Данное направление в интерпретации феномена позволяет сделать важные выводы в контексте изучения политической и художественной культуры тоталитарных режимов. Оно предвосхищает естественный процесс энтропического разрушения палингенетического консенсуса до уровня консенсуса насильственного, в результате чего анархическая энергия авангардной фундаменталистской элиты, которая в ряде случаев изначально способствовала совершению революции или приходу к власти, сводится на нет или же открыто подвергается цензуре. Осмысление данного принципа, возможно, позволит по-новому объяснить „железный закон тоталитарного искусства“, восхитительный эмпирический анализ которого провел Игорь Голомсток в своей книге „Тоталитарное искусство“, в которой он на основе широкого ряда документов доказал существование спонтанного, харизматического общественного консенсуса в период становления фашистской Италии, нацистской Германии, советской России и маоистского Китая, но тем не менее считает эти режимы преимущественно манипуляционными, утверждая, что:

С самого момента возникновения тоталитарное государство начинает конструировать новую культуру в соответствии с собственным образом, т.е. на основе принципа сверх-механизма, в котором отсутствуют неработающие детали и у которого есть жесткая программа и глобальная цель. Все, что препятствует его работе, безжалостно уничтожается[42].

3. Еще одной важной сферой исследования, которая дополняет ту область, контуры которой мы обрисовали в данной статье, является тоталитарное *движение*, под которым понимается политическое или общественное движение, которым движет палингенетическое видение нового человека, которое, будучи реализованным, порождает тоталитарный режим. Ленинизм, фашизм и нацизм в качестве анти-системных движений, движимых утопическими мечтами об антропологическом преобразовании, являются наиболее показательными примерами данного феномена, но помимо них существует множество менее определенных абортивных движений, которые могут дать ученым возможность проследить рождение политического сообщества из искренней народной реакции на палингенетический проект движения в тот период, когда социо-исторические признаки „кризиса смысла“ выражены наиболее сильно. Например, „Движение за Новую Жизнь“ Чана Кайши, которое возникло в результате смешения видоизмененного конфуцианства с элементами европейского фашизма и превратилось в одну из форм ультранационалистического возрождения как морального, так и милитаристского, оказывало влияние на своих современников следующим образом:

Требование Чана Новой Жизни в феврале 1934 года было сразу же подхвачено населением Китая, причем с таким воодушевлением, которого не ожидал сам Чан. В то время китайский народ испытывал чувство глубокого разочарования в демократии отчасти из-за горького опыта неэффективных демократических преобразований, отчасти из-за мировых политических тенденций в целом. Поэтому люди были увлечены идеей диктатуры, которая, как они полагали, могла бы вывести страну из глубокого кризиса... Поэтому после избрания правительства движение за несколько недель „подобно лесному пожару“ распространилось практически по всему Китаю, в результате чего некоторые люди стали верить в то, что долгожданное „возрождение“ Китая уже совсем близко[43].

4. Данный подход также предоставляет нам аналитическую методику, необходимую для понимания того, что является движущей силой при возникновении консенсуса в демократическом обществе. Этот подход предполагает, что ученые должны уметь рассматривать иррациональные мифологические, коллективные и харизматические аспекты консенсуса в современных государствах, вне зависимости от того, насколько рациональность, практика принятия совместных решений и индивидуализм, являются интегральной частью их собственного образа, и в какой степени они являются результатом работы правительственных „препараторов“ и политтехнологов. В частности, есть много случаев, особенно накануне выборов и в периоды национального кризиса, когда палингенетические ожидания (пусть и анти-тоталитарного типа) могут иметь решающее значение в политических вопросах либерально-демократических государств. В пример можно привести „медовые месяцы“ Клинтона и Блэра, а также период, последовавший сразу после крушения „Взяткограда“ в Италии, и первые годы существования новых демократических государств после крушения Советской Империи. Действительно, в демократической политической системе можно даже обнаружить глубинные структуры, которые заставляют ее циклически перемещаться от исключительных (в терминах Сент-Симона – „критических“) периодов надежды на палингенез парламентской системы к „устойчивому состоянию“ („органические периоды“) привыкания, апатии, цинизма и „необузданности“ населения в целом, систематически повторяющемуся кризису доверия, вызванному несоответствием между правительственной риторикой и реальностью.

5. В заключение необходимо отметить, что концептуальная система, обрисованная здесь в общих чертах, предполагает новые пути развития методов трактования феномена „сопротивления“. Прежде всего подчеркивается, что „сопротивление“ необходимо трактовать не в качестве абсолютного феномена, но в терминах его зависимости от системы ценностей и морали. Ученые, комфортно чувствующие себя в рамках западной либеральной традиции, обязаны устоять перед искушением и не отождествлять тех, кто начал вооруженное сопротивление антидемократическому – по их мнению – режиму, с гуманистической „истиной“,

разоблачающей тоталитарную „ложь“. Вместо этого было бы полезно исследовать объект, помня о двух эвристических видах феномена: а) идеологическое сопротивление, и б) анти-идеологическое (экзистенциалистское) сопротивление.

По определению любая попытка насильственного установления монополии на культурное господство над идеологией, отвергающей плюрализм, вызывает негативную реакцию у тех, кто в рамках своего сообщества веры придерживается абсолютно иной системы ценностей. Если новый режим начнет их преследование или захочет их уничтожить, то физическим проявлением их самозащиты будет сопротивление или бунт. В этом смысле сопротивление является следствием идеологической реакции на действия режима, который в любом случае основан на частичном консенсусе, даже если он и представляется крайне жестокой и деспотической формой тоталитаризма. Подобный образ действий является неизбежным следствием стремления режима реализовать утопическую идею однородной, абсолютно унифицированной (*gleichgeschaltet*) политической культуры. Хорошо задокументированная история республики Сало [фашистское государство в северной Италии – 1943-1945 (прим. Ред.)]показывает нам, каким образом государственные репрессии порождают многочисленные, конфликтующие между собой политические формы конформизма (отличающиеся друг от друга степенью одержимости фашизмом или нацизмом) и сопротивления (либеральные, социалистические, коммунистические, католические), каждая из которых логически обоснована и стремится к установлению своего порядка, который должен прийти на смену тоталитарного режима, против которого они ведут борьбу. Ни одну из этих форм нельзя *априори* отождествить с истиной или моральной правотой, так как очевидно, что некоторые сторонники тоталитарного движения или режима сами одержимы идеологическим противостоянием.

Однако я бы предположил, что существует вторая форма сопротивления, которая основывается не на парадоксальной связи с идеологическим сообществом, противостоящим господствующему режиму, а на *отсутствии* подобной связи. Следовательно, такое противостояние в терминах экзистенциалистской философии является более „аутентичным“, а в терминах гуманизма – более интересной реакцией на исторические бедствия, в условиях которых обречен жить индивидуум. Вместо того, чтобы подобно другим плыть по течению, экзистенциалист-аутсайдер (а распознать его можно лишь в момент кризиса, когда начинают покушаться на внутреннюю целостность человека) реагирует на общий кризис смысла отказом от следования всеобщим моделям поведения. Таким образом, он или она сопротивляется мощным потокам массовой паники и конформизма („не-аутентичность“), которые побуждают массы (здесь термин „массы“, естественно, включает в себя значительное количество образованных людей) в радостном исступлении коллективного самообмана следовать за новым Крысоловом в неумело сделанной маске „Человека Провидения“, ведущего их на гору надежды, которая – как раз за разом показывает история – оказывается пропастью отчаяния.

В межвоенной истории есть несколько периодов, которые представляются идеальными случаями проявления „психической эпидемии“. Следовательно, они также являются перспективной областью поиска фактических данных в отношении двух упомянутых типов участников сопротивления: тех, кто находит спасение в пределах своей группы приверженцев утопизма, готовых защищаться до последнего, и тех, кто каким-то образом остается невосприимчивым к этому вирусу и свободен от какой бы то ни было идеологической предрасположенности к сопротивлению за исключением инстинктивно гуманистического желания сохранять трезвость рассудка в условиях, когда все остальные стали жертвами политической нарколепсии и моральной кататонии.

Период с 1929 по 1933 год, продемонстрировавший чрезвычайно широкую поддержку Гитлера и его политики со стороны населения, которая позволила ему превратить в прах Веймарскую республику, стал в этом контексте самым знаменитым эпизодом в современной истории, принимая во внимание его ужасающие последствия для человечества. Об этом невероятно мрачном историческом периоде повествует художественная книга Гюнтера Грасса „Жестяной барабан“, особенно глава „Вера, надежда, любовь“, в которой рассказывается, как доверчивый народ возложил свои надежды на личность Спасителя, а затем обнаружилось, что великодушный Санта Клаус в действительности был зловещим Газовщиком, однако уже было поздно. Альбер Камю – еще один классический пример вдохновенного писателя, работы которого приходят на помощь социологами в данной проблемной сфере, причем не столько „*L'Homme Révolté*“ („Человек бунтующий“), ссылки на которого уже встречались в статье, сколько „*La Peste*“ („Чума“), роман-аллегория, в котором рассматриваются сложные модели коллаборационизма, сговора, нонконформизма, ухода в себя, пассивного и активного сопротивления, порожденных нацистской оккупацией.

„Уроки распада“ (1945) Эмиля Чорана – еще одно классическое в данном жанре литературное произведение, созданное под впечатлением ужасов Второй Мировой войны. Это пространное размышление об идеологических силах фанатичной политической религии, приведших к жестоким преступлениям XX века. С другой стороны Чоран восхваляет добродетели „Гамлетизма“ в качестве паллиатива против попыток внешних сил вовлечь нас в свои утопические проекты исторической и социальной инженерии. Прославляя наши собственные алогичные маленькие жизни и проповедуя циничное отношение к большим нарративам, на которые нас пытаются соблазнить штурмовики светской религии, Чоран признает законной склонность человека к существованию в своем частном, нонконформистском и анти-коллективистском мирке, в пределах которого каждый способен противостоять соблазну поверить в неизбежность нового порядка и подготовиться к тому, чтобы, благодаря своей позиции, сформировать часть консенсуса, как основу подлинно гуманного нового мирового порядка, если он когда-нибудь начнет образовываться:

Инстинктивные идолопоклонники, мы превращаем объекты наших мечтаний и стремлений в Безусловность. История – это не что иное как последовательность Абсолютов, череда храмов, построенных во имя отговорок, капитуляция разума перед Немыслимым. Даже если человек отворачивается от религии, он остается в лихорадочной зависимости он нее. Истощив себя сотворением ложных Богов, он лихорадочно принимает их: его потребность в вымысле и мифологии празднует победу над очевидностью и абсурдностью. Его способность к обожанию есть корень всех бед: человек, любящий своего бога, заставляет и остальных полюбить его, а в случае отказа даже готов их уничтожить.

Когда человек теряет способность к беспристрастию, он становится потенциальным убийцей... Ни один зараженный Гамлетизмом скептик не был разрушителем: корень зла кроется в напряжении воли, в неспособности к созерцательности, в прометеевой, преисполненной убеждениями мегаломанической гонке за идеалами, которая в ответ на отказ от сомнений и лени – пороков, более благородных, чем все ее добродетели – приводит к погибели, к истории – этой вульгарной смеси банальности и апокалипсиса[44].

---

[1] *Locke J.* Two Treatises on Civil Government. L., 1690. P. 240-242.

[2] http://psci.com.org.uk/browse/det…75fef68ea93cf0b713b22e6c74cf.html.

[3] The Blackwell Encyclopedia of Political Thought / Ed. by D. Miller. Oxford, 1987. P. 525.

[4] Напр. *Benjamin W.* The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction // Zeitschrift für Sozialforschung. No. 5, 1936, воспроизв. в Illuminations. L., 1970. P. 211-244; *Poulantzas N.* Fascism and Dictatorship. The Third International and the Problem of Fascism. Пер. с фр. Judith White. L., 1979; впервые издано на французском языке в 1970; впервые издано на английском языке в 1974). Классический взгляд на тоталитаризм как политическую форму, отрицающую истинную политическую культуру и, следовательно, подлинный консенсус, см. в *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1958.

[5] Ср. *Grazia V. de*. Consenso e cultura di massa nell'Italia fascista. L'organizzazione del dopolavoro. Rome, 1996; *Cannistraro P.V.* La fabbrica del consenso: fascismo e mass media. Bari, 1975.

[6] Ср. Ernst Bloch: „Нацизм представляется нам диверсией. Самый кошмарный белый террор против людей и социализма, который только видел мир, маскируется под социализм. С этой целью нацистской пропаганде пришлось разработать революционный фасад, украшенный аллюзиями на Парижскую Коммуну“. Inventory of a Revolutionary Façade // The Heritage of our Time. Cambridge, 1991. P. 64.

[7] Это центральный образ замечательного стихотворения Тони Харрисона „Взгляд Горгоны“, в котором мы находим следующий отрывок: „Человечество бродит по

лабиринту, застывшему под взглядом Горгоны. Горгонопоклонники заключают душу в гулаг, обнесенный колючей проволокой. Приспешники Горгоны пытаются заставить Историю держаться прямого курса с помощью Горгонизмов, которые останавливают все, что движется, с помощью фюреровского стопора и распятия, с помощью политики, замораживающей Свободу. Все лидеры, стоя на своих постаментах, указывают нам путь назад в лабиринт, где нас ждет взгляд Горгоны“. Newcastle on Tyne, 1992. P. 72.

[8] *Marcuse H*. One Dimensional Man. The Ideology of Industrial Society. L., 1964.

[9] Обратите внимание на то, что нацистская пропаганда изображала страны антигитлеровской коалиции как олицетворение не-аутентичности в отличие от аутентичности Volksgemeinschaft (*нем*. единое сообщество народа). Так, например, в эсэсовской газете высмеивалась идея денацификации немецких солдат: „Во что они хотят нас превратить? В лавочников и торговцев, пораженных духом спекуляции, который овладел сыновьями Британии до такой степени, что весь мир им представляется лишь сферой бизнеса, удобной для зарабатывания денег? В роботов советской коллективизации?“ Die Kraft von innen // Das Schwarze Korps. Vol. 11, No. 4, 25 January 1945, воспроизв. в Das Schwarze Korps. Querschnitte durch alte Zeiten und Zeitungen, Vol. 12 / Ed. by H. Heiber and H. von Kotze. München, 1968. P. 202, цит. в Fascism / Ed. by R. Griffin. Oxford, 1995. P. 162-164.

[10] *Popper K*. The Open Society and its Enemies. L., 1945.

[11] *Fukuyama F*. The End of History. Washington, 1989.

[12] *Orwell G*. The Road to Wigan Pier. Harmondsworth, 1962. Впервые опубликовано в 1937. P. 200-201.

[13] *Mannheim K*. Ideology and Utopia. L., 1936.

[14] *Bloch E*. Das Prinzip Hoffnung. Frankfurt am Main, 1959.

[15] *Voegelin E*. Die politischen Religionen. Wien, 1938.

[16] Manchester University Press, 1995.

[17] *Durkheim É*. The Elementary Forms of Religious Life. N.Y., 1915.

[18] *Le Bon G*. The Crowd. A Study in the Popular Mind. L., 1947. Впрвые издано в Париже в 1896.

[19] *Jung C.G*. Essays on Contemporary Events – Reflections on Nazi Germany. L., 1988. Впервые издано в 1947.

[20] *Eliade M*. The Sacred and the Profane. N.Y., 1959; *idem*. Myth and Reality. L., 1964; *idem*. The Myth of the Eternal Return, or Cosmos and History. New Jersey, 1971.

[21] *Ouzof M*. Festivals and the French Revolution. Chicago, 1988.

[22] *Hunt L*. Politics, Culture and Class in the French Revolution. Berkeley and Los Angeles, 1981.

[23] *Bourdieu P*. The Field of Cultural Production. Cambridge, 1993.

[24] *Platt G. M*. Thoughts on a Theory of Collective Action: Language, Affect, and Ideology in Revolution // New Directions in Psychohistory / Ed. by M. Albin. Lexington, 1980.
[25] *Ouzof M*. Festivals and the French Revolution. Chicago, 1988.
[26] *Radel J.L*. Roots of Totalitarianism- The Ideological Sources of Fascism, National Socialism and Communism. N.Y., 1975. P. 32.
[27] Ср. *Thrower J*. Marxism-Leninism as the Civil Religion of the Soviet Society. Lewiston, 1992; *Klinghoffer A.J*. Red Apocalypse. The Religious Evolution of Russian Communism. Lanham, 1996.
[28] *Stites R*. Revolutionary Dreams. Oxford, 1989.
[29] Напр. *Mallet R*. Consent or Dissent? Territorial Expansion and the Question of Political Legitimacy in Fascist Italy // Totalitarian Movements and Political Religions. Vol. 1, No. 2, 2000.
[30] *Mosse G.L*. The Nationalization of the Masses. N.Y., 1975.
[31] *Gentile E*. Il culto del littorio. Bari, 2001.
[32] *Bloch H*. The Sleepwalkers. N.Y., 1964. P. 548.
[33] *Stackelberg R*. Hitler's Germany. L., 1999. P. 101.
[34] Напр. *Vondung K*. Magie und Manipulation: Ideologischer Kult und politische Religion des Nationalsozialismus. Göttingen, 1971; *Bärsch C.-E*. Die politische Religion des Nationalsozialismus. München, 1998.
[35] *Kershaw I*. Der Hitler-Mythos. Volksmeinung und Propaganda im Dritten Reich. Stuttgart, 1980.
[36] Я попытался кратко объяснить это в статье, написанной для шестиклассников: *Griffin R*. Fatal Attraction: Why Nazism (so suddenly) Appealed to Voters // New Perspectives. Vol. 7, No 2. December 2001. Статью можно прочесть на сайте: http://www.brookes.ac.uk/schools/humanities/Roger/appnaz.html.
[37] *Payne S*. Fascism in Spain 1923-1977. Wisconsin, 1999.
[38] *Paxton R*. Vichy France Old Guard and New Order. N.Y., 1972.
[39] Напр. *Meisner M*. Marxism, Maoism and Utopianism. Madison, 1982.
[40] *Zuo J*. Political Religion. The Case of the Cultural Revolution in China // Sociological Analysis, Vol. 1, 1991.
[41] См. *Williams H*. Metamorphosis or Palingenesis? Political Change in Kant // The Review of Politics. Vol. 63, No. 4, Fall 2001.
[42] *Golomstock I*. Totalitarian Art. L., 1990. P. VIII.
[43] *Hong F*. Blue Shirts, Nationalists and Nationalism: Fascism in 1930s China // Superman Supreme. Fascist Body as Global Icon – Global Fascism / Ed. by J.A. Mangan. L., 2000.
[44] *Cioran E.M*. A Short History of Decay. Oxford, 1975.

Перевод с английского – Антон Шеховцов. Под редакцией Андреаса Умланда.